Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/referat/71413>

Тип работы: Реферат

Предмет: Международные отношения

1. Тоффлер Э. и последователи в Теории международных отношений 3
 2. Теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса 20
 3. Постиндустриальная теория Даниэла Белла 30
- Литература 41

1. Тоффлер Э. и последователи в Теории международных отношений

Обращение к утопиям в современную эпоху оправдано разве что праздным или сугубо исследовательским интересом, не имеющим какого-либо серьезного практического интереса для той самой области отношений, о которой пишется утопия, т.е. для политики и межгосударственных отношений. Такой подход кажется вполне оправданным, ибо действительность требует того, чтобы с ней работали, а не абстрагировали. Но часто в ранг утопии низводится то, что утопией по сути своей вовсе не является. Иногда даже философия признается утопией (См. Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. №1. С. 11-16). Иногда же учения лишь некоторых мыслителей. Именно так обстоит дело с мыслями И. Г. Фихте о замкнутом торговом государстве (См. Черткова Е.Л. Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. №5. С. 190-201). Выяснение того, соответствует ли действительности подобная оценка И.Г. Фихте, и, соответственно, философии, является целью настоящего исследования. Для начала же следует разобраться с тем, что такое утопия и уже после этого ответить на основной вопрос.

Объяснение того, что такое утопия, следует начать произведения, которое впервые получило это наименование от своего автора, а именно с «Утопии» Томаса Мора. При этом нас будет интересовать не столько содержание, сколько основание или принцип, из которого исходит автор. Попробуем раскрыть этот принцип на основании анализа нескольких примечательных отрывков этого произведения. Итак, Утопия начинается с ряда приветственных писем, одно из которых Мор посвятил своему другу Петру Эгидию, из которого мы узнаем, что некоторое время назад Мор и Эгидий слушали рассказ путешественника Рафаила Гитлодея о далеком и образцовом государстве Утопия. Мор оправдывается перед своим другом за то, что слишком долго составлял это описание – целый год, вместо ожидаемых полутора месяцев. Произведение должно было быть написано в самые кратчайшие сроки, ведь все уже было рассказано путешественником, а потому автор был «избавлен в этой работе от труда придумывания» [1, с. 33]. К тому же у Мора «не был причин и трудиться над красноречивым изложением, – речь рассказчика не могла быть изысканной, так как велась экспромтом, без приготовления» [1, с. 33].

Но вся проблема оказывается в том, что у Мора попросту было слишком много дел и забот, отвлекающих его от написания. Постоянная возня с судебными процессами, посещение разных людей, общение с женой и болтовня с детьми – все эти человеческие насущные дела требуют уделять им довольно много времени. К тому же в дополнение к уже упоминавшимся проблемам ему необходимо когда-то спать и есть, а ведь эти действия тоже требуют определенных затрат времени. Обыденность и повседневные дела и заботы столь сильно поглотили автора, что не позволяли ему как следует заняться вещами, хоть и заслуживающими внимания, но все же так далеко удаленными от автора, и, соответственно, отстраненными от забот сего часа. Это отстраненное может и подождать.

Отсюда вытекает следующая особенность, необходимая нам и заключается она в том, кому адресовано произведение. Автор серьезно сомневается в возможности публикации своего труда, ибо «вкусы людей весьма разнообразны, характеры капризны, природа их в высшей степени неблагодарна, суждения доходят до полной нелепости» [1, с. 38]. К тому же те, кто живут в свое удовольствие, счастливее тех, «кто терзает себя заботами об издании чего-нибудь» [1, с. 38], что может спровоцировать разные эмоции у тех, для кого это опубликовано. Опасно затевать мероприятия «для людей столь нежного вкуса, столь разнообразных настроений...» [1, с. 39].

Из этого описания тех, на чей суд может быть представлено данное произведение, можно заключить, что

этими судьями станут обычные читатели, на досуге решившие уделить время чтению. Т.е. перед нами литературное произведение, обращенное к эстетической способности людей, вызывающее скорее к вкусу, нежели к познавательной способности. Потому и автор относится к своему труду как к труду скорее художественному, который можно публиковать, а можно и нет, который можно дорабатывать или переписывать, или под грузом внезапно навалившихся повседневных забот вовсе отставить в сторону, что позволяет нам заключить, что причинами объективного характера публикация этого труда не обусловлена. Следующая особенность произведения, на которую необходимо указать, это отсутствие указаний на реальность описания этого государства.

В тексте мы встретим только лишь одно упоминание об истинности повествования, причем истинности, по признанию самого автора, являющейся его целью. Но о какой истине в данном случае идет речь? В начале, все в том же приветствии, Мор в довольно неоднозначном контексте употребляет слово истина, из которого может показаться, что в своем произведении автор стремится показать истину, т.е. подлинно действительное. Приведем этот отрывок: «...речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом, и чем больше моя передача подходила бы к его небрежной простоте, тем она должна была бы быть ближе к истине, а о ней только одной я в данной работе должен заботиться и забочусь» [1, с. 33].

Истина может пониматься в расхожем смысле как соответствие действительности или как простое соответствие образцу, об истинности которого ничего не известно. Легко убедиться, что в приведенном отрывке истина понимается не в первом значении, но во втором. В качестве образца здесь следует понимать речь того самого путешественника Рафаила Гитлодея. Т.е. задача автора Утопии состоит в том, чтобы постараться как можно меньше исказить слова путешественника и именно об этом заботится Мор в первую очередь, и при этом совершенно не важно, чему в действительности соответствуют слова Рафаила. Итак, перед нами труд скорее художественный, адресатом которого является простой читатель, а не публика с целью ее просвещения. Существенной чертой этого типа утопий является воздействие в первую очередь на эстетическое чувство читателя и таким образом единственной реальностью, порождаемой этим проектом, будут эмоции реального человека – читателя. Но все же автор говорит о политике и уже самой этой темой выходит за рамки простого художественного произведения, но все же пока еще игнорируется возможность описываемого им проекта.

Утопия Мора — это скорее работа над ошибками, свидетельством чему служит перечисление в самом начале труда недостатков и пороков современного автору государственного устройства, после которого и начинает выстраиваться проект идеального общества. Но существует непреодолимая пропасть между заблуждающейся реальностью и откорректированной Мором и превращенной в утопию. Простым фиксированием этого разрыва мы еще не ответили на вопрос о том, что же такое утопия, хотя в исследовательской литературе почему-то этого авторам зачастую представляется достаточным. Нельзя останавливаться на этом разрыве потому, что здесь как раз и возникает главный вопрос, без разрешения которого мы так и не уясним себе, что же такое утопия и не выясним, почему утопичный проект остается лишь проектом, а именно: "Почему эта пропасть между реальностью и предлагаемым проектом существует?". Пока просто зафиксируем этот вопрос и вернемся к нему чуть позже. Если мы обратимся к другим произведениям со схожей тематикой, таким как "Город Солнца" Т. Кампанеллы и "Новая Атлантида" Ф. Бэкона, то мы обнаружим в них реализацию того же самого принципа, который лежит в основании Утопии Мора, а именно: у автора нет претензий на возможность описываемого проекта; адресатом выступает все тот же праздный читатель, а потому и произведение имеет художественную форму. Но самый важный момент, фундирующий утопию как утопию, это тот самый неустранимый разрыв, на который мы уже обратили внимание выше, имеется и здесь. 73 Мыслители эпохи Просвещения высоко оценили идеи Ф.Бэкона, в особенности его проект возрождения наук и мысли о коллективной организации научного знания.

В Новой Атлантиде описывается устройство процветающего государства, расположенного на острове Бенсалема, в устройстве которого важнейшую роль играет коллектив ученых, целью которого «является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [2, с. 509]. К тому же общество это было учреждено государем-реформатором, который своими мудрыми законами обеспечил счастливое существование своим гражданам. И с тех самых пор Дом Соломона служит этому государству «путеводным светочем» [2, с. 499].

Под прямым влиянием Бэкона философы Просвещения развивали и пытались реализовать схожие задачи и придать знанию похожий статус. Главным проектом Просвещения, в полной мере выразившим устремления и мысли этой богатой эпохи, безусловно, является «Энциклопедия», ставшая результатом коллективного

труда многих выдающихся деятелей науки и искусства 18 в. Если обратиться к этимологии этого слова, то станет ясным замысел этого титанического труда. Оно состоит из греческого предлога εν – "в" и существительных κύκλος – "круг" и παιδεία – "учение", "наука", "познание" [3, с. 628]. "В круг наук" или "в круге учения" – именно таким образом следует переводить это сочетание. Д. Дидро дает пояснение, что "цель любой энциклопедии – собрать знания, разбросанные по поверхности земного шара, представить общую систему знаний людям..." [3, с. 628]. Чуть далее, в этой же статье, имеется разъяснение этого неоднозначного отрывка: "Едва ли можно поставить себе большую задачу, чем задача рассмотреть все, что ставит перед нами любознательность человека, его обязанности, потребности и удовольствия" [3, с. 628]. Итак, цель энциклопедии – не только собирание и систематизация уже имеющегося знания, но еще и открытие знания нового. В круг науки должно быть введено все богатство знания. Но каким образом это возможно? Посредством привлечения все большего числа людей к собиранию и открытию знания. "Если охватить взором неизмеримый материал любой энциклопедии, – замечает Дидро, – то становится ясным только одно – она не может быть плодом трудов одного человека" [3, с. 628]. Т.е. в круг науки вводится не только знание новое и старое, но вместе с ним и участники этого поиска и сбора. Потому энциклопедия – круг науки и круг людей-ученых. А поскольку собирание всего многообразия знания процесс длительный, если не бесконечный и просветители прекрасно отдадут себе в этом отчет, то этот сбор "может быть только плодом веков, а не какого-то отдельного времени" [3, с. 628].

Итак, для собирания необходимо привлечение все большего числа людей, действующих в неопределенной временной перспективе. Возможно ли завершение этого процесса – вопрос сложный и вряд ли можно на него обнаружить однозначный ответ. Важно отметить то, что распространение просто должно осуществляться. Экспансии этого типа познания могут помешать лишь предрассудки и заблуждения, царившие в прошлом и неминуемый конец, которых пришел с новой эпохой, провозвестниками которой выступили составители энциклопедии. Как отмечает Ф. Энгельс в своей статье "Развитие социализма от утопии к науке": «Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и всё прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» [4, с. 190]. В таком коллективе ученых людей нет места несправедливости, а потому и по мере осуществления этого проекта преобразуются все сферы жизни общества и в их числе строй политический, который в итоге выстроится на разумных началах. Прошлое потому и прошлое, что оно есть царство временного или попросту собрание идолов и заблуждений, беспощадную борьбу с которыми за истину вечную и неизменную повел идейный вдохновитель Просвещения Ф. Бэкон и некоторые другие отдельные философы Нового времени, а потом эстафету подхватило Просвещение. Итак, автором проекта переустройства общества теперь является ученый, пользующийся публично своим собственным разумом, под публичным же в данном случае понимается такое его применение, "которое осуществляется кем-то как ученым, перед всей читающей публикой" [5, с. 30]. Адресатом является читающая публика, т.е. некоторая совокупность людей. Публично активный ученый оповещает публику о наступлении новой эпохи и призывает публику присоединиться к этой эпохе. Важно обратить внимание и на тот момент, что и автор здесь уже не просто одиночный автор, но коллективный.

Дидро неоднократно подчеркивает эту характерную особенность авторства в статье "Энциклопедия", уже не раз цитировавшейся нами. "Мы увидели, что Энциклопедию мог попытаться создать только философский век..." [3, с. 641].

. Не примирение, но преобразование реальности является стратегией Просвещения. А поскольку происходит обращение к рассудку, то знание и понимание выступают в качестве главного критерия, а не эстетическое чувство. Однако, некоторые важнейшие вопросы не получают ответа, причем в силу того, что, исходя из этой установки они и не могли быть заданы.

Среди этих вопросов безусловно главным является вопрос о том, а почему все же мыслители Просвещения считали, что они предлагали истинный проект? В чем критерий этой истинности? Откуда уверенность в том, что открыто и разрабатывается истина, а не что-либо иное? Именно субъективная уверенность стала основанием объективности истинности Просвещения. Не ясно, где воля субъективная, а где коллективная, а потому могут запросто меняться местами и подменять одна другую. Отсюда возможность и уместность совершенно полярных реализаций этого проекта и его оценок в будущем (от распространения образования до печей Освенцима). А потому и критерий ошибочности теряет устойчивость. Поскольку ошибочно то, что

не соответствует или препятствует разумным устремлениям мыслителей Просвещения, то все прошлое объявляется собранием предрассудков. Как мы можем видеть, Просвещение имеет в основании все тот же разрыв, но отношение к нему кардинально отличное от того, какое имелось в Возрождении. Не осознавая этого своего основания, Просвещение стремится его преодолеть, имея, таким образом, отрицательную по отношению к нему определенность. Дух Возрождения же еще попросту не имел сил для его преодоления, а потому был в нем укоренен и исходил из него. Этот разрыв и есть то, что именуется неразумным прошлым и тем, что следует преодолеть. Примирение с этим разрывом и есть то несовершеннолетие, из которого, по мнению Канта, «совершает исход Просвещение. Таким образом, утопия есть и в эпоху Просвещения, поскольку есть разрыв, который мы изначально определили, как плодотворную почву любой утопии, к тому же на ней даже с необходимостью вырастают разного рода утопии, но он в этот период претерпел сильнейшую трансформацию за счет иного отношения к этому разрыву. Отсюда и кардинальное изменение формы и содержания по сравнению с утопией Возрождения, в которых проявлено это основание.

Однако, как уже отмечалось, поскольку мысли Просвещения необходимо обращены к публике, то как раз через выход в публичную сферу утопия возвращается к действительности, стремясь, однако, ее переделать на свое усмотрение. Тем не менее, разрыв по-прежнему остается необъясненным. Потому необходимо двигаться дальше. Немецкая классическая философия выступает следующим историческим этапом философии. И. Г. Фихте, стремясь преодолеть противоречия, присущие критической философии И. Канта, сформулировал новый принцип философии, который в доступной форме изложил во "Введении в наукоучение". В чем заключается этот новый принцип? В параграфе первом, который Фихте озаглавил как "Гипотетически установленное понятие наукоучения", описывается этот принцип. Вопрос Канта о возможности априорных синтетических суждений Фихте радикально переформулирует и у него он уже звучит следующим образом: "Как возможны вообще содержание и форма науки, т.е. как возможна сама наука?" [6, с. 21].

Причем, в отличие от Канта, Фихте ясно осознает то, что сам ответ на этот вопрос будет наукой, причем "именно наукой о науке вообще" [6, с. 21]. В этом же параграфе Фихте далее делает чрезвычайно важное замечание, которое часто забывают при анализе наукоучения, а именно, что "возможность требуемой науки может быть доказана лишь через ее действительность" [6, с. 21].

Развивая понятие наукоучения, во втором параграфе Фихте отмечает, что наука о науке "не есть что-либо существующее независимо от нас и без нашего содействия; скорее она есть нечто, что должно быть впервые произведено свободой нашего духа... если таковая свобода существует, что мы также пока не можем знать" [6, с. 23]. Уместно сравнить этот пункт со схожим пунктом Просвещения. Вовлеченность ученого в процесс научного поиска не влияет на вечную истину, которую просвещены лишь постепенно расчищают от грязи многовековой непросвещенности. Истине, которой занимается Просвещение, нет необходимости в этой расчистке, но это необходимо обществу, которое очистится от скверны незнания и тем самым разрешит все свои проблемы. Существует, таким образом, односторонняя связь между субъектом и объектом с истиной на стороне объекта. Фихте имеет ввиду совершенно иное. В науке о науке нельзя элиминировать ни одну из сторон в пользу другой, ведь ее задача, как это уже отмечалось, обосновать форму и содержание науки. Потому трюк естественных наук, заключающийся в молчаливом устранении субъекта знания из этого знания, здесь не пройдет. К тому же, поскольку обосновывается форма науки и ее содержание, то наукоучение претендует на некое полное и завершенное знание. Но как узнать, что знание завершено? Вопрос этот совершенно не праздный, ведь к исчерпанию и в какой-то степени завершению знания стремились и энциклопедисты, что подтверждает форма и содержание Энциклопедии. Но опять же, несколько напоминающие друг друга проблемы совершенно по-разному решались этими двумя соседствующими эпохами.

Для энциклопедистов это исчерпание знания носит прежде всего количественный характер, потому и слова используются для описания этой операции соответствующие: собирание и т.д., что, опять же, невольно отсылает к Ф. Бэкону и его сбору плодов индукции. Это в свою очередь определяет и то, что на реализацию этого проекта требуется большое количество времени и целый коллектив авторов. Фихте же, учитывая все сказанное прежде, предлагает абсолютно отличное от энциклопедистов решение. Признаком того, что дальше безусловно и необходимо ничего не может быть выведено, "может быть только то, что само основоположение, из которого мы исходим, есть вместе с тем и последний результат" [7, с. 23].

И здесь замыкается описание принципа философии, который Фихте и будет пытаться осуществить все последующие годы вплоть до своей смерти, так и не реализовав его. Развернутый вариант наукоучения Фихте предлагает в работе "Основа общего наукоучения" 1794/1795 гг., в скором времени после которой

выходит в свет "Основа естественного права согласно принципам наукоучения" (1796/1797 гг.). Уже в самой заглавии этой работы отчетливо заявлена связь с наукоучением, которое служит основанием для теории права. Во введении Фихте различает реальную философию и формулярную. "Формулярный философ, – говорит Фихте в примечании, – наблюдает за самим собою в этом мышлении и затем утверждает целый ряд того, что он смог помыслить, как истину, на том основании, что он смог это помыслить. Объект его наблюдения – это он сам..." [8, с. 9].

Можно выразить эту мысль иначе и сказать, что в основании формулярной философии лежит произволение того или иного философа в утверждении им истинности того, что ему помыслилось или смогло помыслиться, причем никакого иного основания, кроме как субъективного, для этого утверждения не существует. Фихте отмечает по этому поводу, что там, "где не властвует никакая логическая необходимость" [8, с. 9], нет ничего легче, чем "рождать в своем духе всякое возможное определение..." [8, с. 9]. Совершенно иным образом действует реальный философ. "Реальная философия, – утверждает Фихте, – устанавливает понятия и объект одновременно и никогда не трактует одно без другого" [8, с. 10]. Немного ранее, подводя к различению этих двух типов философствования, Фихте приходит к следующей мысли: "Объекта нет без понятия, ибо он есть благодаря понятию; понятия нет без объекта, ибо он есть

Литература

1. Арндт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни: пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2000. Гл. 2.
2. Барбара Фултнер. Введение; Коммуникативное действие и формальная прагматика. Юрген Хабермас: Ключевые концепции, Дурхэм: Ак-кумен. 2011.
3. Бияков, О. В. Экономическое пространство региона: процессный подход. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. – 244 с
4. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 86–87.
5. Иваненко А.А. Философия как наукоучение: Генезис научного метода в трудах И.Г. Фихте. – СПб., 2012.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч. Т. 8. – М., 1994.
7. Кулай, С. В. Об эволюции теорий пространственного развития [Электронный ресурс]: Сборник материалов Инновационный конвент «Кузбасс: образование, наука, инновации»: материалы инновационного конвента / Сиб. гос. индустр. ун-т – г. г. Кемерово, Новокузнецк: Изд. центр СибГИУ, 2016.– С. 294–295.
8. Мор Т. Утопия. – М., 1953. 2. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Соч. В 2 т. Т. 2.- М., 1978.
9. Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/st079.shtml> (дата обращения 26.10.2014)
10. Соловьева, Т. С. Пространство в экономической науке: теоретические аспекты эволюции [Электронный ресурс] // Социальное пространство. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <http://sa.isertran.ru/article/1701/full>. – (дата обращения 15.07.2017). 5. Гаджиев, Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития [Текст] // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 45–61.
11. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / Ин-т философии. – М., 1994.
12. Фихте И.Г. Замкнутое торговое государство // Соч. Т.2. – СПб., 1993.
13. Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Соч. Т.2. – СПб., 1993.
14. Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Соч. Т.1. – СПб., 1993.
15. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. – М., 2014.
16. Хабермас. Лекция о жизненном мире // Эксперт. 2009 // URL: http://www.russia.ru/video/nauka_habermas/ (дата обращения 25.10.2014).
17. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Соч. Т. 19. – М., 1961

Эта часть работы выложена в ознакомительных целях. Если вы хотите получить работу полностью, то приобретите ее воспользовавшись формой заказа на странице с готовой работой:

<https://stuservis.ru/referat/71413>